

выст. залага - 1994 - 12 окт. - с. 6

О Доме-музее Марины Цветаевой в Москве

Зачем раздувать пожар,
который может его спалить?

СРЕДИ тех немногих важных дел, которыми занимался Советский Фонд культуры в бытность мою председателем его правления с 1986 по 1992 год, была организация Дома-музея Цветаевой.

Концепция его работы, в сущности, развивала уже существующую схему работы Пушкинского Дома в Петербурге (тогда еще Ленинграде): это центр изучения творчества Цветаевой и ее эпохи, а также хранилище ее рукописей, библиотека изданий ее и о ней, ее эпохи и ее окружения. Идея Пушкинского Дома в свое время возникла взамен стандартного памятника-монумента. Когда собранных к столетию рождения Пушкина в 1899 году денег оказалось слишком много, решили увековечить память Пушкина хранилищем его рукописей и научным центром по изучению русской литературы в целом.

Различие между Домом Пушкина и Домом Цветаевой заключалось, однако, в том, что Пушкинский Дом был, в сущности, долгое время бездомным, его ценности хранились то под лестницей главного здания Академии наук в Петербурге, то в случайных помещениях, пока немногим меньше чем через четверть века он не обрел постоянное местопребывание в здании бывшей Таможни. Дом же Цветаевой с самого начала имел возможность разместиться в особняке, в котором Цветаева жила в один из самых творческих периодов своей жизни, в Борисоглебском переулке в Москве. Планировка его легко восстанавливалась из-под наслоений различных коммуналок. Сохранилась сложная, типично московская планировка дома Цветаевой с различным уровнем полов, потолков, переходов, ступенек. Назначение каждой комнаты легко устанавливалось, и вся квартира в целом могла служить своего рода живым комментарием к поэзии Цветаевой. Сестра Марины Цветаевой —

Анастасия — помогла, в частности, восстановить расстановку предметов в кабинете Марины.

Дом Цветаевой — самый главный, самый ценный “экспонат” ее музея — так решили специалисты-музееведы, мнение которых неоднократно выслушивалось на заседаниях правления фонда и дирекции фонда. Мнение это горячо поддерживал и я, давая разрешение на отпуск средств под реставрационные работы, которые и в силу сложности их самих, и в силу сложностей финансовых тянулись довольно долго (но, кстати сказать, все же меньше, чем восстановление Дома-музея К.И. Чуковского в Перedelкине).

На заседаниях правления фонда неоднократно отмечалась героическая роль Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной в спасении дома. Дело в том, что еще в 70-х годах дом Цветаевой был приговорен к сносу, жильцы принудительно выселены, вода и электричество отключены. Не удавалось выселить только одну женщину из одной небольшой комнаты первого этажа. Она не соблазнялась ни на какие посулы однокомнатных квартир; не выезжала исключительно для того, чтобы спасти дом от сноса. Дело в том, что Надежда Ивановна не только врач-фронтник, смотревшая смерти в глаза, но и филолог с законченным высшим образованием. Она профессионал-литературовед, а профессионализм в литературоведении, особенно во вспомогательных литературоведческих дисциплинах, имеет очень большое значение (об этом мне приходилось уже многократно писать).

В незакрытый дом постоянно приходили поклонники Цветаевой. Одни оставляли цветы (обычно затыкали их за ручки дверей), другие старались что-нибудь отвинтить, оторвать, отковырнуть себе на память. С последними приходилось воевать. Но ведь одну женщину

могли и просто ограбить. Помогала выстоять и добиться сохранения дома фронтная выдержка. Как тогдашний глава Фонда культуры я всячески старался помочь Надежде Ивановне, тем более что не видел — и не вижу — людей, более достойных быть главой музея. Одно качество сейчас особенно важно в Надежде Ивановне как в человеке, стоящем, бесспорно, во главе музея, — она сама не коллекционирует вещи и рукописи, связанные с Цветаевой. Существует правило, закрепленное соответствующими установлениями во многих странах мира, а в России бывшее моральным законом: сотрудники музеев, архивов и специализированных библиотек не имеют права заниматься частным коллекционированием по тематике своей служебной деятельности. Пример следования этому правилу — ныне покойный Владимир Иванович Малышев. Он был страстным коллекционером, жившим в совершенно аскетических условиях, но все спасенные или приобретенные им древнерусские рукописи он отдавал в организованное им в Пушкинском Доме Древлехранилище, по праву носящее теперь его имя. Ни одной рукописи он не оставлял у себя даже на короткое время. То же правило существовало в свое время в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук. Никто из сотрудников этих хранилищ не имел книг или рукописей, по характеру своему соприкасавшихся с собраниями, в которых они работали...

ИВОТ журнал “Столица” (№ 25, 1994) “приветствует” эту героическую женщину, профессионально и ответственно относящуюся к своему — сделанному ею — музею, концепция которого согласовывалась и со мной, и с основными музееведами Москвы, разгромной статьей, в которой хотя и говорится вначале (очень “скромно”) о заслуге Надежды Ивановны Катаевой-Лыткиной в сохранении Дома Цветаевой, но утверждается, что музея до сих пор нет. Да есть этот Дом-музей! И доступ в него для специалистов открыт, но нет средств у Фонда культуры, чтобы организовать экскурсии, нанять знающих экскурсоводов.

Надежде Ивановне не дали в журнале даже возможности полностью напечатать ответ своим обвинителям, сократив его фактическую часть и сопроводив

его грубым “ответом на ответ”, повторившим обвинения ее противников: “Но всякая склока вокруг имени Цветаевой отвратительна. Мы не хотим быть органом склоки. “Столица” свое дело выполнила” (“Столица”, № 31, 1994, с.35). Какое же дело: подбросила дров и подлила керосина в огонь, который может спалить дом? А потом отошла в сторону, заявив, что печатать статей на эту тему не будет? Хороша позиция редакции...

ЕСЛИ создавать в Доме Цветаевой научный центр по изучению рукописного наследия и изданию полного собрания сочинений Марины Цветаевой, то без привлечения профессионалов-текстологов и филологов обойтись нельзя. Любители-коллекционеры могут не просто оказаться бесполезными, но принести существенный вред научному изданию сочинений Цветаевой. Даже если обнаружатся недостатки первого издания сочинений, добиться второго издания, уже научного, будет нелегко. Издание сочинений М. Цветаевой — сложнейшая задача для текстологов по разным причинам, и прежде всего ввиду “разноязычия” цветаевского рукописного наследия, во-вторых, из-за недоступности части рукописей, на длительный срок закрытых от исследователей дочерью Цветаевой Ариадной Эфрон. В-третьих, из-за разбросанности рукописей Цветаевой по различным частным коллекционерским собраниям и архивам, находящимся в разных странах и — при этом — с разной степенью доступности.

Я не могу себе представить, чтобы можно было предпринять серьезное издание собрания сочинений М. Цветаевой, не привлекая крупнейших текстологов — К.М. Азадовского, А.Л. Гришунину, Л.Д. Опульскую-Грому, да и многих других, кто мог бы работать как профессионал. Напомню, что и сама Надежда Ивановна Катаева-Лыткина имеет не только медицинское, но и филологическое образование. Современные издания наших классиков сильно страдают от непрофессионализма издателей, а это еще больше запутает текстологов в будущем: им придется разбираться не только в сложнейшем рукописном и печатном наследии Цветаевой, но и в непрофессионально подготовленных текстах.

План собрания сочинений следует обсудить на конференции специалистов.

Д.С. ЛИХАЧЕВ

Цветаева Марина

12.10.94